

Андрей
Ласки

ФОРМУЛА
ЛЮБВИ

книга I

Анджей Ласки

Формула любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48781782

ISBN 9785005088246

Аннотация

Прошло десять лет с момента событий, описанных в первой книге «Дневник Дианы». Саймон стал популярным писателем, а Диана уехала в маленький городок Сент-Пьермонт на западном побережье. Казалось бы, этих людей уже давно ничего не связывает, у каждого из них своя жизнь. Что же должно произойти, чтобы они встретились вновь? Какие события будут приквелом к их новому роману? Очень сложно пройти путь одиночества и снова обрести друг друга. Шаг первый, шаг второй, шаг третий...

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	6
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	71
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Формула любви

Анджей Ласки

Дизайнер обложки Борис Аджиев

© Анджей Ласки, 2019

© Борис Аджиев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-8824-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Первое и второе. Первое неразрывно связано со вторым, как и второе с первым. Первое есть начало, второе – продолжение. Главное правило, что эти числа можно менять местами. Если вначале жизнь, то потом всегда смерть, и, наоборот, если смерть раньше, то за ней всегда следует жизнь. Два состояния, которые, порой, дают фору друг другу. Но одно невозможно без другого.

Это даже не кажется странным, потому что древние уже давно все объяснили. Иначе нарушится весь тот уклад, что складывался веками. С течением времени каждая мысль, каждый шаг, каждое действие безукоризненно повторяется вне зависимости от желаний – люди даже придумали этому название – «deja vu».

И поэтому не надо думать, что любовь выбирается сознательно – это чувство слишком слепо, и оттого, порой, бывает слишком беспощадно к тому, кто уже сделал первый шаг, чтобы принять его.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Грузовик пересек двойную сплошную и неся прямо мне навстречу, на мой маленький и уютный Chevrolet. Реальность замедлила свое движение, подарив мне в этом неожиданном конце моей жизни, несколько долгих секунд. И в каждой из них я готов был прожить, как минимум, еще пару жизней – так долго это длилось. За это время я успел как следует рассмотреть черные колеса трака, нависающий над дорогой тяжелый металлический бампер с отблесками солнца на нем, хромовую решетку радиатора с шильдиком производителя несущейся на меня махины и испуганное лицо водителя-дальнобойщика с сигаретой в зубах, кажется, он курил Marlboro или что-то типа того. И, по-моему, я даже разглядел трупик осы на ветровом стекле – полосатое тельце было распластано на расстоянии примерно трех-четырех дюймов от лица водителя.

Парень за рулем со всей силы жал на тормоз, и тянул руль на себя, как будто это могло бы ему помочь. Он весь взмок, отчаянно сжимал зубы и тлеющий окурок, пытался хоть как-то управлять своей повозкой, но стальная громадина не слушалась и не замедлилась ни на секунду.

Потом удар металла о металл. Оглушающе-дикий скрежет ломающихся листов железа, еще что-то неприятное, словно по стеклу провели пенопластом, резкий запах горячего

масла. От удара меня бросило вперед на лобовое стекло, и сквозь расплзающиеся трещины я увидел, как капот моей машины начал сминаться под тяжестью грузовика – реальность невероятно замедлилась, звуки растянулись, расплылись. Я словно оказался внутри огромного мыльного пузыря и как будто повис, застыл в невесомости, как космонавт. А потом на мгновение почувствовал сильную боль в коленях, в грудной клетке. Впрочем, пока еще я ее не осознал, не принял.

В ту же секунду мой пузырь с грохотом лопнул. И меня отбросило назад, на перекошенное водительское сидение – время, сжавшись в тугую пружину, вдруг закрутилось в обратную сторону с молниеносной скоростью – я перестал видеть и только слышал хруст, треск, звон бьющегося стекла, после чего мне на затылок посыпались осколки. Все это происходило одновременно, и было даже как-то странно во всем этом участвовать, находиться внутри этого странного сценария, который явила мне жизнь в последние мои мгновения.

Нет, в эти секунды я не вспоминал всего того, что обычно пишут в книгах или поп-таблоидах: *«в этот миг у него перед глазами пролетела вся его жизнь»*. Нисколько, я только лишь думал о том, чтобы все это скорее закончилось. Мне показалось, прошло несколько долгих минут перед тем, как все стихло.

Сначала вокруг была полная и абсолютная тишина. Потом звуки начали нагонять меня, возникая из ниоткуда и увели-

чивая свою громкость. Постепенно, очень медленно, словно нехотя – сначала шум шин, проезжающих мимо авто, затем хлопок двери большегрузного трака – по всей видимости, его водитель пострадал меньше, чем я, а, скорее всего, вообще остался цел и невредим. Правда, и я с удивлением констатировал, что боли не чувствую. Но ведь я точно помнил, как она, эта боль, со скоростью света стрелой пронзила мой организм. Может, фортуна была ко мне благосклонна сегодня и мне все-таки повезло?

Но также отчетливо подсознание давило на то, что такого в принципе не может быть, ведь случилось ужасное – мою машину вместе со мной внутри раздавил грузовик. Я пере-скакивал с мысли на мысль, беспорядочно, хаотично, не мог додумать ни одну до конца. И что-то подсказывало мне, что открывать глаза не стоит. Что-то смутное... что-то такое...

– Эй, ты жив, друг? – Водитель трака подбежал к моей машине.

Я устал. Я очень устал. Только сейчас я почувствовал это.

– Эй, ты жив? – Звук происходил откуда-то сверху, он, кажется, даже боялся наклониться ко мне.

Мне показалось, что надо было прекращать эту дурацкую игру, тем более, что уже слышались звуки полицейских сирен. Собственно, это по их части. Надеюсь, что кто-нибудь уже догадался вызвать «Скорую»?

И все же, я открыл глаза. Преодолев себя, заткнув внутренний голос, я сделал это.

Моя голова лежала на разбитом руле. Прямо перед собой я увидел шильдик Chevrolet – золотистый крест. Аминь!

– Алло! Да! Адрес? – водитель трака нервничал, широко-ми шагами ходил туда-сюда, ступая по хрустящей щебенке. – Черт возьми, я не знаю какой тут адрес! Тут холмы и долины вокруг, поля еще! – Крикнул он в трубку. – Это на 60-й трассе. Алло! Вы меня слышите?

Сигналы полицейских машин стали явно ближе. Как они быстро! Наверное, были где-то поблизости, в обычные дни их никогда не дождешься.

– Нет, не знаю! Сейчас попробую. – Дальнобойщик, наверное, тряс меня за плечо, но я ничего не чувствовал. – Эй, ты жив? – Спросил он меня осторожно, и тут же в трубку, – я не знаю. Может, без сознания!.. – На секунду он замолчал, слушая голос в трубке. – Да тут полно крови, черт побери!.. – Крикнул он с раздражением и опять отошел от моей машины.

«Спасибо, что скорую вызвал, друг!», – я был благодарен ему за это, хотя ли не он виновник всего происходящего?

Минуты тянулись медленно. Наконец, мне надоело разглядывать крест перед собой, и я повернул голову. Водитель большегрузного трака стоял недалеко от моего разбитого авто и нервно курил. Рядом с ним стоял еще кто-то. Его образ был нечетким, словно в дымке. Он просто стоял и улыбался, иногда посматривая то на того парня из грузовика, то на меня, словно не мог выбрать, с кем же ему остаться. Но, как ни

крути, было очевидно, что он пришел именно ко мне.

«Диана была бы рада такому исходу», – крутилось теперь в голове.

Я вспомнил, как мое сознание ее похоронило под колесами авто в тот далекий вечер. И сейчас мне это даже показалось смешным – судьба вернулась как бумеранг. Вот только смеяться что-то не хотелось. Ирония, насмешка или четко спланированная акция против меня самого? Когда-то я выдумал смерть для любимого человека, а не выдумал ли мой любимый человек некогда смерть для меня? Если так, то я готов в это поверить, потому что из всех странных способов умереть она выбрала именно этот, словно напомнив об истории десятилетней давности. Кажется, что с годами мы не становимся умнее.

И реальность, подталкивающая к этой мысли, и наполненная противоположным смыслом, слишком правдоподобна. Она словно пытается изрыгнуть меня из себя, проверить насколько я слаб. Только и ждет, когда приму ее за единственное настоящее, и сколько я еще смогу продержаться в этом круговороте неподвластных мне событий. Я пытаюсь все исправить, разменять все свои грехи, исправить ошибки, наконец. Но реальность оказывается гораздо жестче и сильнее меня и моих представлений о ней. Ставит мне подножку. А я все время решаю для себя, что это – временно, что все эти проблемы – ничто. И, как только я возвращаюсь

к этой мысли, меня опять погружает в водоворот непримиримых с жизнью событий. Я вновь становлюсь одержимым мыслями, мысли порождают новый слой реальности, которая на этот раз просто пытается вычеркнуть меня из жизни, раздавить многотонной машиной, подвернувшейся ей под руку на этой трассе. Что еще надо было, чтобы обмануть меня? И это, пожалуй, самое лучшее, что она могла придумать.

А он стоял и все еще продолжал крутить головой – этот незнакомец, окутанный туманом. Потом, словно что-то решив для себя, сделал шаг к моей машине, оставив водителя грузовика позади себя один на один с его сигаретой и переживаниями, потом еще один и остановился. Показал все-таки кого он выбрал, закончил свою бессловесную считалочку. И все также улыбаясь, призывно помахал мне рукой.

Он что, не видит, что я все еще погребен под грудой теплого металла? Тонны полторы – не меньше. И все же, когда я попробовал приподнять голову с руля, понял, что это получается довольно легко. И, как будто, мои поломанные кости и позвонки этому совершенно не мешают.

На миг – такой короткий – я, правда, ощутил боль нечто вроде комариного укуса. Но потом... потом мне стало совсем не больно. Нигде. И это было понятно – мое тело продолжало оставаться неподвижным, в то время как я сам совершенно свободно двигался в окружающем меня пространстве. Сначала я ужаснулся, глядя на него, оставшееся в салоне авто,

отдельно от меня самого, но быстро взял себя в руки – а что ты хотел после такого? Как будто надоевшую шкуру скинул, а новой не приобрел.

Первые странные ощущения – будто плывешь в морской воде или в киселе. Второе даже ближе. Воздух стал гораздо плотнее, но, кажется, поддерживал меня. Немного вязко, немного тяжело, я будто бы разрывал воздух руками, как ткань. Хорошо, что я еще могу дышать.

Я вышел из машины, точнее из того, что от нее осталось и, покачиваясь, словно пьяный, направился к туманному силуэту. На меня налетел водитель большегрузного трака, который вдруг решил зачем-то сфотографировать мой смятый в лепешку седан. Но он, кажется, был так занят своими мыслями, что проскочил сквозь меня, совершенно ничего не заметив.

– Сюда, сюда! – я обернулся на крик. Неуклюжий дальнобойщик, оставшийся позади, уже бежал навстречу «Скорой», размахивая руками.

– Смотри-ка, – усмехнулся незнакомец, – они еще попытаются тебя спасти. На это смешно смотреть! Идем. – Он уверенно взял мою руку, и через мгновение мы уже воспарили над трассой. Кажется, ничего не изменилось вокруг – то же шоссе, те же деревья, холмы, поля, озера. Все как раньше, кроме меня. И без меня.

– А ты бы предпочел шляться по каменистой равнине, покрытой сухой травой и карликовыми деревьями? – Прочитал

мои мысли напарник. – Это меньше всего похоже на Скифию. Кстати, меня зовут Себастьян.

* * *

– Скажите мне только как он, и я уйду!

– А кто вы ему – жена, невеста, сестра, может одноклассница? – Администратор смотрела на нее снизу вверх, приподняв очки и прищурившись.

– Я... – Она осеклась, замолчала, не нашлась что ответить, – никто, но...

– Извините! – Медсестра опустила толстые роговые очки на глаза и вернулась к документам, низко опустив голову, дав понять, что разговор закончен.

Диана отошла в сторону и растерянно посмотрела по сторонам. Как же так? Память о прошлом заставила преодолеть ее две тысячи миль, чтобы войти в двери этого госпиталя, но не смогла заставить преодолеть какую-то санитарку, когда до него остался всего лишь один шаг? Из Сент-Пьермонта, маленького городка на западном побережье, в Нью-Йорк за пару часов на ближайшем рейсе, сразу после выпуска вечерних новостей, где в телевизоре за спиной у журналиста чрезвычайной хроники остался покореженный серебристый Chevrolet со знакомыми цифрами на номере, и телефонного звонка, сообщившего ей о случившемся незнакомым голосом. И все ради того, чтобы услышать «Извините!»?

Она не могла допустить такого обращения с собой! Внутри все клокотало, накатила злость. Набрала в грудь побольше воздуха, чтобы все высказать этой неприятной больничной крысе и уже было сделала шаг по направлению к ее стойке...

– Простите, – кто-то ухватил ее за рукав плаща. – Извините! – Рядом с ней появилась невысокая блондинка, – Вы – Диана?

Она кивнула.

– Я – Леона, его сестра. – Протянула руку. – Ну, сестра Саймона, то есть. – Леона говорила неуверенно, спотыкаясь почти на каждом слове. – Это я вам звонила. Я хотела, чтобы вы знали о том, что случилось. Все так ужасно...

Диана узнала этот голос, прозвучавший вчера в ее телефоне ночным звонком.

– Он будет жить? – Диана окинула ее взглядом, в котором все еще горели остатки ее негодования.

– Не знаю. – Леона заплакала. – Он в коме. И врачи говорят, что его шансы равны. Я не знала, что вы...

– Ты, – поправила Диана.

– ...ты приедешь. – Она переминалась с ноги на ногу.

– Я не могла этого не сделать. – Неправда ведь, вполне могла.

– Можно? – Леона расставила руки.

Диана кивнула – о таком обычно не спрашивают.

– Спасибо, что ты здесь. Саймон был бы рад, наверное. – Та обняла Диану.

– Наверное. Я должна была это сделать.

– Нет, правда, – Она руками вытерла глаза – получилось наскоро и как-то неуместно. – Вот, – Леона отстранилась от Дианы и достала большой желтый конверт. – Передали полицейские вместе с другими вещами, нашли на месте аварии. Тут, кажется, какие-то его записи. Я не знаю. Они адресованы тебе. – Она протянула его Диане.

– Мне? – Диана удивилась.

– Тебе, да, посмотри. Я не думала, но, если уж ты сама здесь, возьми. Я хотела отправить его почтой, правда, не знала куда.

Диана взяла в руки конверт. Действительно, на лицевой его стороне оказалась старательно выведенное имя «Диана» – то ли для красоты, то ли от безделья. Скорее второе, это подчеркивало множественность линий, обведенных черной пастой.

– Может быть, он сам хотел отправить его тебе... но все это произошло... Не была уверена, что ты приедешь, захватила случайно. – Хотя, пожалуй, именно этот конверт и был причиной набрать номер Дианы, сорвать ее с места. – Но я надеялась... Хорошо, что взяла с собой. – Ее речь путалась, она подбирала какие-то слова, какие-то фразы, которые сейчас были абсолютно пусты, так, лишь бы сказать, лишь бы не допустить такую неуютную тишину.

– Извини, – Неаккуратно прервала Диана. – Меня не пускают к нему. Скажи... когда будешь рядом с ним... что у него

замечательная сестра – Она попыталась улыбнуться и положила руку на плечо Леоны. – И что я его... – Она на секунду замолчала, раздумывая как закончить фразу, но сбилась, – что я все помню. – Она взяла Леону за руку. – Скажи ему, что Диана вернулась. Он должен понять.

* * *

Мне снился странный сон: Диана вновь вернулась в мою жизнь из небытия. Я вновь увидел ее тут, в госпитале, она стояла прямо там, внизу, у регистрации. Совсем не изменилась, так же хороша, как и в последний день нашей встречи. Что она делает здесь? По прошествии стольких лет вдруг вспомнила, бросила все и приехала? Но это было бы слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Вот она встретилась с Леоной – сестренка тоже здесь. И конверт, в руках Леоны – конверт. Откуда он здесь? Он же был со мной всю дорогу. Но вот он уже перекочевал в руки Дианы – этот толстый желтый конверт из грубой бумаги в каких доставляет почту DHL. Леона отдала его Диане. «Нет, Леона, не делай этого. Сестренка! – Крикнуть бы ей, но губы не слушаются, да и не услышит она. – Нет, не надо!»

Леона смотрела на Диану глазами полными слез. Что она говорила ей в этот момент? – я не слышу. Потом еще раз обнялись на прощание. Диана махнула Леоне и направилась к стеклянным дверям над которыми зеленела табличка

со словом «Выход». Леона осталась внутри и так и стояла, сложив руки на груди, провожая взглядом Диану. В пустынном холле, совсем одна.

Черт подери, почему все это происходит здесь и сейчас? Почему, когда мне что-то надо – жизненно необходимо – этого нет, наоборот: я хочу услышать – я совершенно глух, я хочу кричать – у меня отобрали голос, я хочу жить – меня успокаивают смертью, я хочу любить – она уходит от меня, я не могу любить – она возвращается, доводя до полной истерики и срыва сознания.

Так или иначе, я вижу Диану. Я помню Диану. Я знаю Диану. И почему-то я еще хочу верить в Диану. Но, кажется, сон в любую секунду может оборваться. Станный и страшный сон, играющий с моим сознанием. И он не заканчивается, он продолжается.

Нарастающая тревога. Переход из состояния атома в черную дыру. И где-то все себя, вне всего этого моего сна, я слышу голос – *...миллион не законченных дел...* – Это не ее голос – я точно это знаю. Кто-то рядом. Ах, да, тот призрачный незнакомец – мой ангел-хранитель Себастьян, и, в придачу ко всему, – мертвый патологоанатом, застрявший здесь, между Адом и Раем.

– Что ты говоришь? Прости, прослушал, – я потряс головой, сбрасывая с себя наваждение, и делая заинтересованное лицо.

Мы сидели на крыше госпиталя, свесив ноги в бездну. А я

и не заметил этого раньше. На его плечи был накинута медицинский халат, а из-под неаккуратно застегнутой клетчатой рубахи торчал и без того большой живот. Ему больше подошло бы имя Бахус – бурдюк с вином на маленьких кривоватых ножках в медицинской шапочке с красным крестом и нимбом над ней. В жизни я представлял своего ангела-хранителя совершенно в ином облике, но, оказывается, все более прозаично, порой даже более чем, и у каждого он свой.

– ...это нормально, – поучительно продолжил он, – если человек уходит вот так сразу, неожиданно, оставив после себя кучу планов, тысячу книг, миллион незаконченных дел... ведь это так... – он замолчал, подыскивая подходящее слово, – по-настоящему.

Но я почти не слушал его. Я смотрел вниз. Я знал, что вот-вот стеклянные двери больницы откроются и в них покажется она – моя самая большая на свете любовь и самая большая боль моей жизни – моя Диана. Мы опять встретились. И вновь при очень странных обстоятельствах. Рок, судьба, фаталити – называйте, как хотите. Но я знаю, что должен поговорить с ней.

Когда открылись двери, мой сон – а сон ли это вообще? – продолжился. Слишком медлительный, – заевшая пленка в киноаппарате движется гораздо быстрее. И я явно застрял в этой плотной медлительности как в киселе, и не мог выбраться из нее.

Тогда я прыгнул. Оставил этого парня наверху со своей странной философией мертвых и прыгнул – что уж мне теперь – но не падал стремительно вниз с крыши со скоростью камня, я – планировал. *«Эй, ты там, философ наверху, я похож на Дэвида Копперфильда?»*

Себастьян продолжал говорить – только уже не со мной – сам с собой – кажется, даже не замечая моего отсутствия. До меня долетали обрывки его фраз: *«В конце концов, смерть стоит того, чтобы узнать, что думают о тебе»*, – выдал он вслух потрясающую глупость. Ничего себе! Пожалуй, я даже был восхищен. Их что, учат этому в Раю?!

Но, отвлекаясь от него, я почувствовал, как вязкое пространство вокруг еще более замедлило мое планирование аккуратно на ступеньки перед входом в госпиталь.

Сквозь стеклянные двери вышла Диана с моим желтым конвертом из плотной бумаги в руках, который прижимала к груди. В ту секунду я ненавидел себя за то, что не только я, но и мои мысли двигаются со скоростью черепаших шагов.

«А много ли в жизни ты себя любил?» – подсказал мне кто-то из глубины. Неважно. Это сейчас совершенно неважно. Потом. Потом все мысли, все чувства к себе самому. Потом, после... Сейчас главное – она. Сейчас главное – дать понять, что я рядом. Что рука, которую сейчас сжимает Леона в больничной палате, все равно ничего не чувствует. А я сам здесь, а, значит, и все остальное тоже здесь, даже если это слишком неощутимо и невесомо.

Впрочем, теперь мне стоит как можно чаще напоминать себе о том, что и я сам – неприкаянная душа, находящаяся где-то «между»: между Небом и Землей, между Жизнью и Смертью, между Злом и Добром, между Адом и Раем. Все время где-то «между». Чаша весов пока что находится в равновесии, ожидая того самого незначительного перевеса, который и даст окончательный крен в ту или другую сторону. Прошлое призрачно, будущее неопределенно, но стоит признаться, что вариантов не так много, чтобы можно было долго выбирать.

Однако, пора как-то обратить на себя ее внимание, сказать Диане о том, что я здесь. Что я все еще люблю ее, люблю ее и буду любить всегда, даже после смерти, как и обещал когда-то. Ведь «всегда» – порой не так долго, а «бесконечность» никогда не заканчивается.

– Я люблю тебя, Диана! – Но смешно было надеяться, что она смогла бы меня услышать. Мой бесплотный дух был для нее незаметен, и, конечно же, неслышен.

Я ухватил ее за плащ, но тот незаметно проскользнул сквозь мои пальцы, я попытался было встать у нее на пути, но и это тоже было бессмысленно. Все мои попытки, как и ожидалось, были никчемны, совершенно и абсолютно.

Так ничего и не заметив, Диана остановилась на крыльце и вглядывалась вдаль, прямо сквозь меня, крепко прижимая к себе толстый желтый конверт.

– Я тебя люблю, Диана! Люблю, люблю, люблю, люблю, – своими невидимыми губами я прикоснулся к ее уху. – Как жаль, что ты меня не слышишь. Как жаль!

Сейчас я пытался наверстать упущенное секундами, но отчаянно понимал, что если за десять долгих лет после той истории я так и не смог сказать ей этого, то сейчас уже слишком поздно. Мне не удалось скомкать время. А с чего бы вдруг? В очередной раз судьба дала нам понять, что мы не можем быть вместе. Ловушка настроена таким способом, что каждый раз мы встречаемся при весьма странных обстоятельствах. И, как бы не хотели, наши дороги проходят рядом, но никогда не пересекаются.

Мы настолько же близки и далеки. Тем более сейчас, когда она в одном мире, а я по другую сторону объективной реальности – всего в нескольких сантиметрах от нее, но на самом деле в миллионах, в миллиардах милях отсюда, совсем по другую сторону времени, с другой стороны Вселенной – по другую сторону придуманного мной Зазеркалья, с обратной стороны Мира. «Вновь в погоне за Белым кроликом», – усмехнулся я сам себе.

Меж тем, Диана уже сбежала по ступеням на тротуар и быстро выскочила из ворот госпиталя, где только что подъехала желтая машина такси с черной надписью Uber на двери и на крыше. А я так и остался стоять на крыльце, не успев сделать ни полшага.

– Холидэй Инн! – Бросила она водителю и, продолжая

крепко прижимать конверт одной рукой, другой захлопнула дверь авто. Такси тут же двинулось вниз по улице, удаляясь от здания госпиталя. Диана даже не обернулась. И я вновь почувствовал, что тону в каком-то киселе. Мое погружение было очень медленным, и только бурчание Себастьяна помогло мне избавиться от подступившего наваждения и тошноты. Я же не вступал с ним в диалог, хотя именно этого он и ждал от меня.

Кажется, я так и не избавился от кармы неудачника, и правда была Диана, говоря об этом в том своем последнем письме.

Я думал, что посвящу жизнь одному Ангелу, но мой Ангел сменил лик. «Жизнь во имя» – слишком большое наслаждение для того, для кого живут. Я же растерял всю любовь по крохам, мечась то туда, то сюда, в надежде, наконец, опять обрести то, без чего я не могу физически, не могу в принципе, без чего я задыхаюсь каждую минуту и жду, что мир провалится в Тартар – без Любви.

Осколками разлетелась и не собрать. Готов ли я воспринимать это так? Никто не говорил, что будет просто. Господи, но ведь не должно же быть это все и так сложно!

Почему в ту секунду, когда кажется, что все получилось, все опять рушится, ломается, разбивается – уходит в полный дестрой? Приходится покупать новую колоду карт, чтобы построить очередной домик для Ниф-Нифа, предпочитая

все же каменный как у Нуф-Нуфа. Или, может, единственный правильный ответ в том, что цель жизни в поиске? Хотел бы я в это поверить. Поверить, и, наконец, найти, чтобы стать счастливым. И не говорить о том, что я счастлив, а чувствовать это и молчать. Счастье любит тишину.

Я ведь знаю, что мне для этого надо – лишь быть *с ней* рядом, когда она говорит, когда молчит, когда спит. И ощущать это до дрожи. Чтобы, наконец, после всех этих продолжительных поисков сказать ей просто: «Я тебя люблю!», согревая в своих объятьях. Потому что, если вчера я понимал, как трудно влюбиться, сегодня я понимаю, как трудно любить, а завтра, наконец, пойму – как сложно удержать всю эту переполняющую любовь.

И это тоже шутка жизни: в тот самый момент, когда мне нужна любовь – ее нет, а тех, восемнадцатилетних, кто даже толком не умеет ее чувствовать, кто не умеет любить, постоянно путая ее с влюбленностью, она накрывает с головой. Так почему же? Почему так происходит?

Я поднимаю руки к небесам и застываю словно картинка в старом кино. Осталось только крикнуть со всей мочи: «Неееттт!» – и будет стандартный голливудский эпизод. Но я молчу. Молчу и молюсь про себя. Молюсь неистово, до хрипоты и до слез. Я прошу Его помочь мне. Ведь я ее уже нашел. Ведь я ее уже даже держал за руку однажды. Я просто прошу Его, чтобы она не ушла, не потерялась во времени. Но это так сложно!

Так или иначе, пришло время осознать, что реальность поменялась местами, и теперь я оказался с другой стороны зеркала, чтобы однажды быть спасенным, а Диана – страх, боль, ненависть и самая большая любовь – если ты захотела повторить мой путь безумия, через который я когда-то прошел, показать мне дорогу в настоящую реальность – с той самой другой, настоящей.

Но не слишком ли рано я обмолвился об этом – впереди еще слишком много, да и будет ли готова она пройти все то, что выпадет ей? А, может быть, нам?

Я знаю, насколько это сложно, почти неосуществимо. Приговор – не больше и не меньше. И как странно получается – каждый человек однажды должен получить свою часть души другого. И справиться с этим не всем дано.

Где рождается любовь, в каких смыслах и действиях? Как подтверждается она, и нужно ли это подтверждение, ежечасная подпитка эмоциями, чувствами? Что нужно пройти, чтобы удостовериться в ее «настоящести», в реальности? Какой долгий путь нужно пройти, чтобы оказаться у цели своего путешествия и принять ее такой, какая она есть? И не упустить, ни на секунду не разочаровать.

Но не слишком ли много я возомнил о себе? Ее право – бросить все, уехать и забыть. И она это сделала, не смогла простить меня. Не смогла, не может, да и не должна. И я понимаю ее. Мне даже не за ее прощать. Слишком много я

ей должен.

Может быть, в тот момент я слишком переживал за себя? Вполне разумно. Для живого человека. Но разум мой спал в больничной палате гражданского госпиталя на окраине Манхэттена. Или только часть его спала, а другая готовилась пересечь Млечный путь, уготованный мне судьбой? Хотя, подождите, о каком пути речь, если я все еще жив или, по крайней мере, мне так хочется думать. Лично себе я каюсь не очень мертвым – просто мой разум сильнее смерти.

Думаю, мой путь – не самый худший. Я знал и других, в чьей жизни были взлеты и падения, рождения и смерти: кто знает правильный путь – мудрец, кто не знает – человек. И быть «человеком» – участь большинства.

– Да ладно тебе, хватит убиваться! – Себастьян тоже спустился вниз и теперь стоял, прислонившись к стеклянным дверям, глядя вслед уезжающему такси. – Ты и так ей много сказал. И если она не понимает, что творится в твоей душе, на кой черт она тебе сдалась? Подумай над этим! Если человек не стремится к тебе, зачем тратить на него свое драгоценное время.

Я развел руками.

– Вот-вот. Ты искал любовь, нашел ее и что? Где она теперь? Самое главное, где теперь ты?!

– Я умер. – Подсознание выдало ответ, с которым мне не хотелось мириться.

– Ха-ха. – Хохотнул он. – Не торопись, это ты всегда успеешь. Знаешь, даже несмотря на то, что я патологоанатом – последний агент жизни на Земле перед тем, как оказаться пред Вратами Божьими, я еще не покинул тебя, как это бывает обычно, и, что еще важнее, пока не констатировал факт твоей смерти и не передал в руки апостолов. Поэтому стоит ли говорить об этом?

– Тогда что?

– Думаю, ты в коме, – он задумчиво почесал небритый подбородок. – Да, мой друг, ты в коме. А выберешься ты из нее или нет, зависит только от тебя самого. Ну, конечно, может быть еще и она тебе поможет, твоя подруга, но уж очень сильно ты на нее не рассчитывай. – Он приложил руку ко лбу козырьком, высматривая уже пропавшее за поворотом такси. – Девчонка вздорная, хотя и милая. Но таких знаешь сколько? – Теперь у него в руках появились счеты с костями – древнегреческий абак, – я удивился, а он подмигнул мне.

– Порядка миллиарда. – Сказал он, постучав ими немного, подвигав костяшки туда-сюда. Потом поправил круглые очки на носу. – Порядка миллиарда вздорных и милых – одна шестая населения этой странной планеты.

– Не многовато ли для одной планеты или ты шутишь? – Я уставился на него.

– Нет, думаю, в самый раз. Ведь кто-то должен быть таким, чтобы понравится еще одному миллиарду. Вспомни,

как тебе было тяжело.

* * *

Тусклый свет ночника освещал небольшой гостиничный номер. Раскрытый желтый конверт валялся на журнальном столике поверх гляцевых журналов, любезно оставленных горничной госте. Диана, держа в руках толстую пачку исписанных мелким почерком листов, сидела в кресле, подперев голову кулачком.

«Когда я пишу, не могу сказать, что двигает мной. Но все это адресовано тебе, Диана, хотя я не уверен, что ты прочтешь. Я спрячу эти бумаги как можно глубже в стол, зарою их в своих черновиках, но что-то подсказывает мне, что ты их все равно увидишь раньше, чем предполагаю я. Видимо, все из-за той же случайности, которую я не могу сейчас предсказать.»

Знаешь, я стал записывать свои мысли, потому что боюсь, потерять в мимолетном миге нечто ценное, что может прийти мне в голову. Ведь некоторые мысли и идеи должны быть озвучены. И если уж так случится потом, я буду обращаться к тебе. Все лучшее, чем неизвестный мне собеседник.

Признаюсь, мне кажется глупым писать в дневнике, адресованном никому с текстами ни о чем. Так обычно делают

девчонки, проживая свою тайную жизнь. И это лишь мой никчемный опыт, эксперимент если хочешь. Может быть, и тебе покажется эта затея глупой и никудышной, но какая мне разница, если ты уже читаешь эти строки, правда?

Я почти чувствую, как твой взгляд бежит по эти буквам, его прикосновение согревает. Как пальцы держат эти листки, их тепло... Прости! Меня опять несет.

Видишь, я даже знаю, хотя и не уверен абсолютно, в том, что ты это прочитаешь – наши планеты остыли, но кое-как продолжают крутиться уже без нас и жизни на них уже почти нет – от них остались лишь каменные пустыни, еще где-то подернутые высохшей травой. Мне кажется, мы настолько давно оставили их, что возвращаться туда нет никакого смысла – проще найти новые и поселиться на них. Ведь они будут совсем другими, и мы даже представить себе не можем, насколько другими. И, видимо, на абсолютно разных орбитах и в разных галактиках.

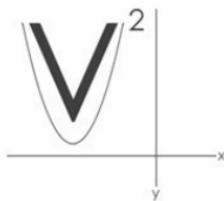
Впрочем, больше всего на свете я бы хотел узнать причину того, почему так происходит – почему ты все-таки еще здесь и читаешь это. Если бы ты только могла рассказать мне.

И раз уж ты все равно здесь, со мной, я хочу поделиться тайной. Мне некому ее доверить, кроме как тебе и этим страницам. Смотри, это «формула Любви», приснившаяся мне однажды.

Может быть, потом ученые дадут более точное зна-

чение этой формуле – моему мифу, если только она действительно существует, и выведут общезначимое решение и определение. Однако, весь этот ребус достаточно прост, если знаешь его определение: V расположенное внутри U – графическое обозначение сердца, а квадратная степень делает даже холодную любовь жаркой. Так сказал голос в моей голове, а может я сам все это додумал вслед за этими фосфоресцирующими линиями, что явили мне ее в полной темноте.

Вау! Я перевозмог себя и вдруг обалдел от свалившегося на меня величия! В этот момент истины я почувствовал себя русским ученым Менделеевым, которому приснилась его химическая таблица. И мне кажется, моя формула может совершить не меньший переворот, если люди смогут принять эту не меньшую истину.

А, может быть, это такое задание, как в сказочных книгах: узнай Формулу любви, собери Любовь из осколков, прой-

ди Лабиринт, найди ту, кто станет твоей Единственной. Единственной. Навсегда».

* * *

У нее были длинные пальцы – пальцы арфистки или пианистки. Она осторожно брала своими тонкими пальцами чашечку кофе и подносила ее к губам. Мне всегда нравилось, как она делала это. Диана и со всеми другими предметами обращалась так же – аккуратно брала своими длинными пальцами. В этих ее пальцах заключалась большая часть ее всепоглощающей сексуальности. Я буквально немел от одного взгляда на них.

Сделав глоток, она пожаловалась на то, что жизнь банальна.

– Жизнь банальна, – так и сказала она.

– Конечно, если ее не занимать ничем, – кофе в моей чашке уже остыл. Я подозвал официанта, чтобы сделать новый заказ. Когда он ушел, я вновь вернулся к нашему разговору. – Конечно, банальна.

– Ты – творческий человек, тебе легко занять себя. Я же не умею ни писать, ни петь, ни рисовать, – она вздохнула, и, разболтав в чашке остатки кофе, допила ее.

– Еще? – Я указал на чашку.

– Да, пожалуйста.

Как раз подошел официант с моим заказом, и я попросил

его принести еще одну чашку для Дианы.

Мне всегда казалось, что сама жизнь дана не потому, что так заведено законами природы, а потому, что на свет всегда появляются только талантливые души, и потому был не согласен с ней. Ведь в детстве каждый стремится узнать больше, чем знает. Все эти «зачем?» и «почему?» явно говорят об этом. В детстве рисуют, поют, танцуют, играют на музыкальных инструментах – познают жизнь. И только со временем непреодолимая лень заставляет делать всё так же, как все и жизнь приобретает банальный вкус. А уже потом из банальности она превращается в рутину: дом – работа, работа – дом, диван и телевизор с любимым сериалом или программой новостей. И уже никуда не хочется двигаться ни физически, ни, тем более, морально. А зачем? Потом люди становятся несчастными и отсюда все проблемы.

Но если это все преодолеть, вырваться из окружающей действительности, создать свой мир, не похожий на другие, не забывать то, чему учился в детстве и развивать, развивать, развивать полученные навыки – человек будет счастлив в творчестве, и жизнь заиграет всеми цветами радуги.

Пауза затянулась и, кажется, надо было что-то сказать. Диана вытянула из пачки тонкую ментоловую сигарету.

– Знаешь, нет ничего лучше кофе с сигаретой. Это бодрит.

И очень вовремя подошел официант и поставил перед Дианой чашку с горячим латте, на взбитой молочной шапке шоколадной крошкой был нарисован котенок. Она кивнула

и улыбнулась.

– В детстве я была талантливым ребенком, – будто прочитав мои мысли, начала она. В руке у нее мелькнул огонек зажигалки, и в следующую секунду она выпустила в пространство перед собой узкую струю дыма, сделала маленький глоток еще горячего кофе. – Ну, когда мне было четыре или пять лет – сейчас я точно и не вспомню – мама наняла мне учителя музыки. В доме у нас стоял старый черный рояль еще с незапамятных времен – выбрасывать жалко, а держать в доме незачем, если на нем никто не играет. Я помню тот день, когда в дом пришел настройщик. Потренькал по струнам, что-то подкрутил. Он бил маленьким молоточком по струнам, и они отвечали ему такими звуками, не похожими ни на что. А потом сел и сыграл Моцарта. Это я, конечно, позже узнала, что это был Моцарт, а тогда это для меня было просто волшебством каким-то. Потом настройщик ушел.

Я залезла на стул, на котором сидел Волшебник – это я его так для себя назвала – Волшебник. Я забралась на его стул, положила руки на клавиши и, ожидая красивой музыки, нажала на них. Боже мой, это был самый ужасный звук, который я слышала в жизни. – Диана расхохоталась, вспомнив этот момент. – Я еще подумала, как же так, почему у него получилось, а у меня нет? Я нажимала и нажимала на клавиши, всякий раз пытаюсь уловить хотя бы один звук из той прекрасной мелодии, которую играл он. На звуки этой музы-

кального торнадо в комнату вошла мама. Она-то мне и объяснила, что музыка получается лишь тогда, когда умеешь играть.

На следующий день в доме появился учитель музыки. И уже довольно скоро я могла играть гаммы и этюды. Но мне не давали играть настоящую музыку. Я не знаю почему. Ведь гаммы и этюды – это механика, а Моцарт, Шопен, Бах – это искусство. И потому я сама начала подбирать на слух. У моей подружки оказалась хорошая коллекция пластинок. Я брала некоторые из них у нее на время, слушала, подбирала. И вот, настал день, когда я могла сыграть что угодно. Мои пальцы не боялись ни классики, ни рок-н-рольных «Битлз» и «Роллингов», ни черного джаза. Я вырвала у жизни уровень «Волшебник» и стала феей музыки. Но это забавляло меня совсем недолго.

Вот тут-то пришло первое разочарование. Мне некуда было расти дальше, думала я. Наскучило, надоело. Все это вдруг, в один день стало неинтересно, и я бросила все свои занятия музыкой. Навсегда.

В принципе, это первое разочарование и положило начало моей скуке. Я опять что-то начинала, доходила до самого верха и бросала, потому что не пыталась открыть что-то новое в уже созданном.

– Значит, ты тоже творческий человек.

– Ты и правда веришь в то, что говоришь? – Ее губы дрогнули, скривившись в улыбке.

– Все, что ты рассказала...

– Жизнь банальна, если ты не можешь открыть в ней новые грани. А если гениальный человек, что так гениален во всем, не хочет развиваться дальше, то он обычный жлоб, как и все остальные.

Я пожал плечами.

– Ты сумел двигаться дальше. Я рада. Я правда рада! Идем?

Она затушила недокуренную сигарету прямо о блюдец, встала, подхватила свою сумочку.

– Идем. – Я сделал знак официанту, бросил деньги на стол.

Мы вышли в вечерний Манхеттен. Клерки, менеджеры среднего звена спешили домой. В офисах постепенно гас свет – квадратные окна погружались в темноту одно за другим. В Большом яблоке постоянно чувствуешь себя маленьким червячком. Толпа становилась, то больше, то почти рассывалась. Все они спешили из своих пропахнувших кофе и озоном офисов домой – к уюту, теплу, большому телевизору в гостиной. Лишь мы с Дианой словно бы нарушали их ритм, сбивая с такого правильного распорядка, заведенного однажды. Шли против движения. И нам как будто было невдомек, куда и зачем спешит эта толпа.

Диана обернулась в мою сторону и одними губами произнесла:

– Я хочу тебя!

Я продолжал смотреть вдаль даже когда желтое такси Дианы скрылось из вида. Солнце медленно садилось в океан, заливая ярким оранжевым светом вечеряющий Манхэттен. Сотни людей покидали свои душные офисы, наполняя улицу шумом голосов и серыми пиджаками. Машины привычно поднимали пыль, следуя указующим сигналам светофоров. И вся эта чудная смесь, переливающаяся множественным количеством цветов, пахла потом, бензином, свежееиспеченным хлебом из городских пекарен, однобаксовым кофе и бесплатными морскими водорослями с Гудзона. Мне порой, еще тогда, в моем обычном мире, было странно слышать этот запах, но, пожалуй, не сегодня. Потому что именно сегодня, мне хотелось дышать им. Дышать полной грудью, не отказывая себе ни в грамме этого затхлого воздуха. Все, может быть, и было бы в порядке, и можно было бы продолжать свою жизнь в этом несоразмерном ритме, если бы она у меня была.

Я обернулся на Себастьяна. Он демонстративно поднял руку и посмотрел на часы.

– Что, уже пора?

Себастьян кивнул.

И вот мы опять стоим на крыше госпиталя.

– Надо просто оттолкнуться, а дальше воздух сам сделает свое дело. Ты понял? – Мой хранитель поправил шапоч-

ку на голове. – Постоянно срывает ветром, – пояснил он. – Не хотелось бы возвращаться.

– Давай! – выждав пару мгновений, крикнул он.

И вот, мы легко оторвались от бетонной крыши, а в следующие минуты Земля под нами начала удаляться, становясь все меньше и меньше. Скоро мы уже поднялись на высоту привычную скорее эйрбасам. Под нами плыли облака, напоминая безбрежный океан ваты. Яркое солнце светило где-то справа и еще осторожно, будто боясь вспугнуть, меня начало охватывать невероятное ощущение легкости.

И если сначала мы летели, широко раскинув руки, поднимаясь к небесам, то сейчас за нашими спинами, как паруса, развевались огромные крылья в два человеческих роста высотой. Мы парили как птицы, пронзая облака и наматывая круги в этом странном небе этого странного мира, наполненном прошлым, настоящим и будущим одновременно. Как будто кто-то взял, сложил это все в банку, сильно встряхнул и высыпал обратно, чтобы посмотреть на то забавное смешение, что у него получилось. Но, мне кажется, тут мало чего забавного на самом деле.

Перевернувшись на спину, Себастьян скрестил руки за головой и перебирал ногами, словно бултыхая ими в воде. Я последовал его примеру. На удивление это получилось легко и просто. Воздух как будто сам направлял в нужную сторону, неощутимо поддерживая в голубой глади.

– Будь осторожнее, не потеряй связь с тем миром, – про-

кричал Себастьян.

А мне и правда начало казаться, что та крепкая махровая нить, что еще утром так туго связующая меня с реальным миром, начала ослабевать. И вот, я уже ловил себя на мысли о том, как легко оказывается, предавшись ощущению небытия, предать самого себя.

Довольно долго мы летели параллельно Земле и, когда казалось, что это никогда не кончится, мой мертвый друг, который любому живому в скорости даст существенную фору, вдруг резко взмыл вверх, чуть ли не под прямым углом. Я попробовал повторить его маневр – получилось, и я последовал за ним, продолжая наш стремительный подъем.

Еще несколько минут мы забирались все выше и выше, отдавая этой головокружительной высоте все силы. До тех пор, пока горизонт не приобрел черты полукруга: за спиной оставался земной шар, а впереди – бездонный космос с яркими глазами холодных звезд. Таким я его, конечно, видел впервые. Открывшаяся картина завораживала: среди его черноты ясно были видны созвездия, окруженные менее яркими огнями далеких планет, блекли и вновь зажигались холодным огнем космические странники, кометы растягивали свои огненные хвосты по всей линии горизонта. И как же тут оказался я – человек без скафандра – среди всей этой галактической свистопляски? Нет ответа. Хотя, на самом деле он вполне очевиден, но специально умалчивается, и не затра-

живается всеми участниками этого действия. Просто думать об этом страшно, не то, что произнести вслух.

Мы продолжали двигаться вперед, а звезды летели к нам навстречу. И в своем бесконечном танце они становились все ближе и ближе, мимо стремились созвездия и планеты. Их было так много, они были такие невероятные, а Вселенная вокруг нас искрилась, то и дело меняя цвета, перетекая из ярко оранжевого в темно-синий через грубый алый, или из пузырячатого белого в ярко-фиолетовый. Она раздавалась всполохами тут и там, перемигивалась звездами сквозь черную завесу, пулялась метеорами.

Но я был оглушен той тишиной в которой происходило это беспорядочное броуновское движение в бесконечных галактических рамках. Мироздание было совсем глухо! В этом Абсолюте действительно не хватало какого-нибудь торжественного сопровождения типа «5-й Симфонии» Бетховена, или «Так говорил Заратустра» Штрауса – музыка была бы ему к лицу.

И тогда я понял – откуда вдруг пришла эта мысль? – что именно здесь и находится истинное кладбище и колыбель всех душ: человек рождается и умирает среди звезд: когда на Земле умирает человек – на небосклоне загорается новая звезда, когда звезда гаснет – на Землю приходит новый человек. И все наши земные представления о теле и о душе как-то сильно блекнут на фоне всего этого молчаливо-прекрасного космоса. Кажется, эта мысль даже немного отрез-

вила меня от всего предыдущего полета.

Я скользил среди всего этого молчаливого великолепия, сопровождаемый своим хранителем.

– Так куда мы летим? – Пора было бы уже уточнить.

– К твоей звезде.

– К звезде?

– Ну, к планете. – Себастьян чуть не поперхнулся.

– Где-то это было... У Экзюпери¹, кажется?

– Где было? – Он, кажется, не понял.

– У Экзюпери, в книге. – Я уточнил.

– В книге? А ты что, уже представляешь себя литературным героем? – Сквозь ухмылку явил он мне свой сарказм. – Да, я читал в твоей характеристике, что ты еще тот романтик. Но вряд ли это будет так, как ты себе там напредставлял.

Я ничего не ответил и прибавил скорости, оказавшись немного впереди.

– Ну, если хочешь, то пусть будет как у Экзюпери. – Крикнул он мне вслед. Интересно, он вообще понял, о чем я?

Несмотря на то, что именно Себастьян здесь был главным, я вырвался вперед, а он кряхтел позади меня. Кажется, дорогу к своей звезде я выбирал по наитию и двигался в правильном направлении. Во всяком случае, мой хранитель не поправлял, не указывал верную дорогу среди звезд.

– У нее есть название? – Я обернулся.

– У кого?

¹ Речь идет о произведении Антуана де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

– Ну, у планеты, конечно! – Вечно ему приходится договаривать.

– И как ты себе это представляешь? Звезда «Саймона Морро»? Хотя, ладно, в твоём случае это звучит... – Пробурчал он. Себастьян произносил слова медленно, через каждый вздох, похоже, я загнал его. – Но нет. У твоей звезды нет имени, как ни у одной другой. Такие правила. – Я сбавил скорость и поравнялся с ним, а то так никогда и не услышу окончание этой истории. – У звезд есть только номера. Это удобно для нашей картотеки. И твоя звезда в ней под номером S20070312M. Видел бы ты все эти звездные карты. В них постоянно зажигаются и гаснут звезды, словно живые. Этим своим свечением они придают всей Вселенной движение, заставляют ее двигаться. И ты все правильно понял, мой друг – именно поэтому крутятся планеты, дышат океаны и просыпаются вулканы, а, главное, появляются люди. Как видишь, рождение и смерть являются аккумулятором существования... существования... существования... – Голос Себастьяна разлился эхом в черном космосе, отскакивая от каждой видимой звезды пинг-понговым шариком. И я вдруг открыл глаза.

Что за наваждение? Оказывается, никакого полета среди звезд не было. А мы с моим хранителем все так же стояли на крыльце госпиталя. Занятная вещь – кома – абсолютно бесполезна, но наполнена феерической фантазией.

Вот только что мне делать с Себастьяном, – ума не при-

ложу.

.
* * *

«Когда ты исчезла, я начал писать этот дневник. Это осталось навсегда – ты исчезаешь, а я что-то пишу, пишу, пишу. Изливаю себя на белый лист бумаги, чтобы потом, перечитав накаляканные строчки, подумать, а ведь я был прав. Опять прав. Я оставляю это для себя – всю свою правоту, а для тебя оставляю только свои мысли.

Но если посмотреть со стороны, то я даже неплохо пишу – не настолько хорошо, чтобы написать книгу, но все же неплохо.

Спасибо музе – она всегда приходит и уходит именно тогда, когда это нужно. Хотя, когда это происходит, я не чувствую, что мне это действительно надо. Для меня это скорее трагедия. Я готов разбиться головой об стену, лишь бы ты осталась, осталась и оставалась бы со мной всегда, потому что я люблю тебя. А мне кажется, что для тебя это только слова. Я боюсь, что ты можешь от меня отказаться. И уже сделала это, но я не верю. Не допускаю возможности верить. Хотя некоторые отказываются от любви, только потому, что она лично им не нужна. И ты всегда была такой.

И вновь мне кажется, что я гонюсь за тобой, как за призрачной мечтой. Я вижу тебя в каждой следующей. Я пы-

таюсь найти в них то, что было в тебе. И порой я ощущаю тебя в каких-то деталях, в каких-то мимолетных движениях, фразах, сочетаниях слов, построении фраз. Я ищу. И все равно прихожу к выводу, что снова ошибся. И все опять возвращается к тебе.

Как я мог, спустя такой долгий срок все еще думать о тебе? Думать, что тебе не все равно кто я, что я, и где я, и почему я и только я разрываю себе сердце лишь одним единственным именем, которое есть на этом свете – Диана?

Почему я плачу в ночи, и просыпаюсь в холодном поту? И в течение всех этих лет я знаю насколько это неприятно – проснуться на мокрых от пота простынях. После еще долго не можешь заснуть все о чем-то думая, размышляя, мечтая. А когда за окном уже алеет восход, нет никаких сил закрыть глаза – утро подступает плотной стеной.

Но все же, спасибо музе, что не забывает меня. Я принимаю ее в любом облике, даже самом дурацком. И узнаю тебя, моя любовь, моя Диана».

Диана заложила страницы дневника. Духота ночного Манхэттена заполнила ночной гостиничный номер. Только сейчас она поняла это. А, может быть, потому, что сидела очень близко к зажженному ночнику. Чтобы избавиться от нее, Диана встала и открыла балкон. В следующее мгновение в комнату ворвался легкий морской бриз с океана, поднял занавески, и среди удушающей ночи она смогла вздох-

нуть чуть легче.

Никто не может осудить ее в том, что она была так далеко все эти годы, пытаясь просто забыть ту старую историю. Какой бы не была она сильной, время не настолько строго, чтобы относиться к своей жизни с ненавистью. Все возвращается, и Диана об этом знала, и была уверена, что однажды это произойдет. Родственные души были всегда рядом, не расставаясь даже на таком расстоянии.

Иногда ментол в сигаретах, иногда обычные слезы на несколько мгновений останавливали время и воспоминания, чтобы были силы идти дальше. Она никогда не пыталась быть сильной, просто так получалось. А когда секунды слабости настигали ее... что ж, ведь она женщина, и может себе позволить это.

«Если бы мне однажды предложили написать о себе книгу, я бы не задумывался о том, как ее начать: «Он жил. Без любви». А чем закончить – большой вопрос, разделяющий начало и конец продолжительным промежутком времени и огромным количеством страниц. Ведь за этот срок я мог найти ее, она нарожала бы мне детей, и мы бы жили, построив свой дом, засадив его тенистым садом, в котором я мог бы проводить все свое свободное время с двумя малышами и нашей собакой. И Милая. Конечно Милая, Любимая – без нее вообще нет всего этого.

Но ведь окончание могло бы звучать совсем по-другому:

«он умер», или «но он так и не родился». Пускай это звучит странно, но при всем моем уважении к реальности я склонен доверять Эйнштейну и его относительности времени и пространства. Все в мире относительно. Если ты где-то умер, значит, ты где-то родился, и наоборот. А, может быть, ты даже не жил. Правда, все равно сам в это не сможешь поверить.

И по той же теории это только кажется, что человек живет и умирает один раз, на самом деле всю свою жизнь он переживает миллион смертей, хотя порой этого и не замечает. Потеря любви – смерть, потеря друга – смерть... много, много-много маленьких смертей из которых каждый раз он выходит живым».

* * *

Как удивительно будет, если после смерти вдруг узнаешь, что вся жизнь была не рукой проведения – *«все происходит, как задумано»* – а лишь нагромождением случайностей благодаря твоему ангелу-хранителю, который не умеет обращаться не то что с необходимой технической документацией, он и с тобой-то особо обращаться не умеет. Такой ангел-недоучка. И вот только тогда станет понятно, почему события одного дня часто нелогично предваряют события дня другого.

Он перепутал страницы, а ты уже путаешь дни и не пони-

маешь, где тот самый потерянный день. А когда его вдруг находишь становится бесконечно приятно – жизнь вдруг увеличилась на один день, на целых двадцать четыре часа, в которых еще очень много минут и больше того секунд. Стоит прислушаться к этим ощущениям.

Или, перекладывая страницы, он вдруг переписал от руки понравившийся эпизод твоей жизни в свой дневник, чтобы лучше запомнить. А потом, когда рассказывал друзьям под их дружный хохот в поднебесном пивном кабаке, ты вдруг ощутил полное *déjà vu*, абсолютно уверенный в том, что это уже происходило раньше.

И оказывается, что вся жизнь умещается в ящике письменного стола. Это только тебе хотелось, чтобы она была длинной и продолжительной. Но это лишь дополнительные страницы в делах небесной канцелярии, а не зафиксированные события на фотографии. Вот такая жизнь в ящике стола. А если положить несколько других книг рядом, можно увидеть удивительные вещи – некоторые из них, небольшого объема, еще блестят непорочным гляncем с обложек, а у других, больше похожих на энциклопедии, страницы пожелтели и засалились – интересная жизнь постоянно привлекает внимание читателей, требует, чтобы ее перечитывали снова и снова.

А кома не оставляет своих сюрпризов, меняя ширму реальности каждые полчаса, как будто играет, показывает свои

безграничные возможности: только что мы стояли с Себастьяном на каменном крыльце больницы, и вот в мгновение ока все опять изменилось. И передо мной уже яркие безбрежные зеленеющие поля и соленый средиземноморский запах, принесенный вглубь полуострова нисходящим западным ветром. Он гладит высокую траву, и она переливается волнами от одного края до другого. И много-много солнца над всем этим. Я узнаю с первого взгляда и первого вздоха: только в одном единственном месте Земли так несравненно благоухает, смешивая в себе всю лень лета, соль морских глубин, пряные запахи полей – Италия. Моя любимая Италия, в которой все от Венецианской Ривьеры до Тосканы с ее нескончаемой сиестой заставляет не думать о смене дней и о жизни вообще.

Альпийские пики грациозно возвышаются над вросшими в холмы деревушками с классической красной черепицей. Неровные линии гор уходят куда-то далеко-далеко и обрываются где-то там, наверное, на территории Франции, уходя в низкие облака. Как будто горизонта и нет вообще – все сливается в одно бесконечное серое ничто. Но здесь, под этим небом, краски все еще имеют свои девственные цвета, и солнце освещает все вокруг.

Бегущие по склонам гор ручьи прозрачны, в их истоках уже охлаждается золотое Кьянти, багровеющее Брунелло де Монтальчино... Там в небо стремительно уходят средневековые башни, поражая своей простой каменной архитекту-

рой и непростой историей. Ловя ниспадающие потоки, в небе над побережьем кружат чайки, то опускаясь, то, помогая себе несколькими взмахами крыльев, поднимаются к большому круглому желтому солнечному шару. И несмолкающий их гомон под шуршание набегающих на прибрежный песок волн искрящегося Средиземного моря устремляется в лазурную высь.

Соль остается на руках, на лице, на одежде. А я продолжаю вдыхать такой нереальный, но все такой же опьяняющий воздух. Пусть, пусть это будет сейчас, когда я уже никогда не смогу увидеть и почувствовать. И я вновь поднимаю взгляд.

А там, где-то вдали зажегся маяк – небесный столб, подпорка для низких кучевых облаков. Он зажигается и гаснет под порывами ветра, что гонит по вечернему пляжу колкие кристаллы песка, которые больно впиваются в ноги. И пусть все именно так – солоно и больно – но эти мгновения хочется продлить столь долго, чтобы навсегда запомнить.

Это время, когда на побережье еще нет туристов с большими чемоданами и ленных отдыхающих, а все отели закрыты в ожидании того яркого, звенящего и вопящего детскими голосами, сезона. Но владельцы апартаментов уже выставили плетеные кресла и столики в лобби, чтобы по вечерам самим наслаждаться красотой итальянской весны, что столь нежна и прекрасна с ее безлюдностью и закатами солнца прямо в море.

Не раз я переносился сюда из своей реальности Нью-Йорка. Особенно, когда мне хотелось побыть одному, хотя бы в своих мыслях.

Я был здесь только лишь однажды несколько лет назад. Вот так, сидя на пластиковом стуле на балконе второго этажа маленького частного отеля, больше похожего на дачу, с видом на штормящую Адриатику, попивая местное пиво, я вспоминал о ней, о Диане, хотя искренне обещал себе этого не делать. И ощущение абсолютного счастья увлекло меня за собой.

Я даже не знаю, как передать это чувство. Может быть, когда мир вокруг почти перестает существовать, погружается в яркое сияние, расплываясь все больше и больше, наполняясь тихим гулом волн... И даже это совсем не то. Миг, завернутый в яркую обертку желания, вспыхнувший и тут же погасший. И больше никогда это не повторялось.

А потом, когда совсем стемнело, здесь происходит это довольно рано, я сидел в патио отеля и учил старого бармена готовить самбуку.

– Как же я был счастлив тогда! – Кажется, я сказал это вслух.

Себастьян сидел рядом, на перилах того самого балкончика в Лидо ди Езоло.

– Ты, кажется, что-то сказал?

– Я был счастлив. Давно, но это было!

– Тебе повезло! – Но усмешка его показалась мне горькой.

...и очень часто, после возвращения к родным берегам меня не отпускало это безумное ощущение потери того самого настоящего и искреннего счастья, порой доводя до депрессии, до полного иступления.

* * *

– Прошел почти час, чем ты там занят? – Себастьян опять посмотрел на часы. – Мы должны идти дальше. – Я моргнул – все тот же госпиталь за спиной у Себастьяна – ни тебе Лидо ди Езоло, ни кованых перил маленького балкончика, ни шума моря, ничего такого... – Может быть, тебе и нравятся игры с твоим подсознанием, но все-таки нам пора. – Он встряхнул крыльями за спиной. Я заметил, что по ним пробежала едва уловимая глазом волна снизу наверх, до самых кончиков. Из его оперенья выскочило перо, и мягко спланировало на каменное крыльцо.

– Мама, мама, – вдруг раздался детский голос. Из дверей больницы выходили посетители и среди них рыжий мальчишка лет шести. – Мама, смотри какое красивое перо, можно я возьму домой? – И, не дождавшись разрешения, он схватил его и вставил в нечесаную копну волос. Себастьян подмигнул ему, а тот лишь растерянно улыбнулся и побежал догонять мать, уже спустившуюся с крыльца.

– Он что, тебя видел? – Не понял я.

– Кто? Тот мальчишка? – Уточнил ангел.

– Да, он.

– Ну да, а что? Дети все видят. – Он помахал вслед убежавшему малышу. – Только им все равно никто не верит. Ладно, – сказал он. – Почему мы все еще тут торчим? Нас ждут.

– И куда мы направимся на этот раз? – Я усмехнулся. – На мою планету, в Италию, или, может быть, в Древнюю Грецию? – Кажется, стоило закрыть глаза и, кажется, черный космос с иллюминацией звезд возвращался.

– Не ограничивай свой разум тем, что ты уже видел. – Вполне серьезно ответил хранитель. – Может быть, для тебя это будет большим сюрпризом, но сначала мы направимся к Мигофу.

– Где это?

– Скорее – кто это! Я ведь уже говорил тебе, что все это не похоже на Скифию, да и ты все-таки еще жив как-никак. Несмотря на то, что ты уже пересек черту, здесь, кроме нас с тобой, есть и другие – похожие на живых. Идем. – Себастьян убрал крылья под свои одеяния и, довольно легко для своей полной фигуры, спустился по ступеням. – Идем, идем, что ты там замер? – Себастьян обернулся и махнул рукой. – Здесь недалеко, в нескольких кварталах отсюда. Заодно подышим затхлым вечерним воздухом твоего любимого Манхеттена.

Мы спускались к Чайна-таун. Я хорошо знал эти места –

с Дианой мы часто проводили время в маленьких чайных этого китайского квартала, насквозь пропахшего запахом быстрой китайской еды. Она хорошо разбиралась в китайском чае: чан-чао-цин, пуэр, ци-хун. И, сколько бы она меня не учила, мне не удавалось запомнить ничего из этого множества названий. Кроме вкуса, в котором ощущалась древность рецептов и крепость сорванного чайного листа.

Может быть, таинственный Мигофу не случайно назначил встречу именно здесь. Ведь теперь все мои чувства вновь были напряжены, в каждой клеточке моего тела роились воспоминания, мои мысли вернулись в прошлое. Я просто был уверен, он знал об этом, иначе, к чему такая знаковость?!

Пока мы шли, я не расспрашивал Себастьяна о месте, куда мы направляемся. Думал, все узнаю сам со временем. И, погрузившись в свои воспоминания, был почти оглушен звоном китайских колокольчиков, которые известили хозяев о нашем приходе.

За невзрачной деревянной дверью скрывалась такая же ничем не примечательная чайная с одинаковыми деревянными лавками и столами. Встретившая нас улыбчивая китайская официантка проводила нас вглубь заведения, усадив под красный китайский фонарь.

– Себастьян, тебе не кажется, что для призраков это обслуживание слишком реально? – Я разглядывал меню, предусмотрительно предложенное официанткой.

Мой хранитель вольготно раскинулся на лавке, постуки-

вая костяшками пальцев по деревянному столу. Меню перед ним оставалось закрытым.

– Все относительно, мой дорогой друг. И каждый определяет для себя свой уровень реальности. Скажу тебе по секрету, что на самом деле неизвестно, что реальнее – жизнь, смерть, или то, что ты этим называешь.

Он оглянулся и посмотрел на часы на стене. Удивительно, но в этот вечерний час чайная была абсолютно пуста, не считая официантки и невысокого седого китайского бармена с длинными тонкими усами, как у рака, свисающими под стойку. Его опущенная голова, закрытые глаза и скрещенные на груди руки – все это придавало ему еще большего сходства с сумеречным животным.

– Мигофу еще не пришел. И это странно – он обычно всегда пунктуален. – Себастьян нажал звонок на столе. – Ты определился с заказом? – Официантка уже стояла у нашего стола с блокнотом и ручкой, готовая записывать.

– Кусочек платформы, аудиторию и конек. – По всей видимости, мой ангел был завсегдаем этой чайной и знал меню наизусть, ведь он даже не притронулся к нему. – А ты? Ты что будешь? – Одернул он меня. – Только чай или что поэкзотичнее?

Я продолжал листать страницы, все еще не будучи уверенным в своем выборе, – странные названия порций не были снабжены иллюстрациями, как это было принято в подобных заведениях. А все эти буквы-руны ни о чем мне не говори-

ли. Хорошо еще, что все они были продублированы на понятном языке.

– Мммм... Руки Будды! – Мне показалось, что это просто звучит забавно, но Себастьян посмотрел на меня с уважением. Я захлопнул меню, пожалуй, даже чуть громче, чем надо было бы. – И пуэр. Чайник. Если вы не измеряете в чем-то другом. – Я отчаянно попытался улыбнуться.

Официантка молча отчеркнула заказ и исчезла на кухне. В чайной мы остались втроем с безымянным барменом, который действительно спал, облокотившись на свою стойку, чуть присвистывая во сне.

– Мигофу никогда не опаздывает, что же сегодня случилось? – Себастьян действительно начал нервничать. – Итак, давай я расскажу. Введу в курс дела, если хочешь.

Я кивнул.

– Мигофу, – мне показалось, или каждый раз хранитель произносил это имя с волнительным придыханием? – Он может дать тебе шанс. Точнее, шанс тебе уже предоставлен поскольку ты здесь, но Мигофу может рассказать, как ты сможешь им воспользоваться. Я имею в виду, что при сильном желании ты можешь вернуться туда, откуда тебя так неожиданно выдернул несчастный случай – в реальный мир. Ведь ты хочешь?

Я поднял глаза – Себастьян не шутил. Он действительно говорил о возможности вернуться.

– Хочу! – уверенно произнес я. – Еще как хочу!

– Мигофу тот, кто поможет тебе. Он, в каком-то смысле, сможет указать дорогу к воротам, которые пока еще не закрылись за тобой.

Бармен за стойкой засвистел во сне чаще и еще громче. Себастьян поморщился и нажал кнопку звонка. В следующий момент улыбающаяся официантка уже стояла возле нашего столика.

– Могли бы вы разбудить вашего бармена? Он мешает нам.

– О, д'ья, конесью. – На вполне сносном английском ответила она и махнула рукой в сторону бармена. В следующую секунду бармен исчез под стойкой, с грохотом повалившись на пол.

– Спасибо. Правда, я имел ввиду, несколько другой способ. Но если этот поможет, то тоже подойдет.

А бармен, кряхтя, уже выбирался из-под своего рабочего места, потирая ушибленные места. Затем последовала горячая перебранка на китайском. К счастью, видимо вспомнив, о присутствии посетителей в чайной, она продолжалась недолго и больше походила на шипение двух змей.

– С'юто есе зелаєте? – Официантка держала ручку наготове.

– Нет, спасибо. Этого даже слишком много. – Себастьян проявлял беспокойство, нервно стуча костяшками пальцев по столу. Официантка вновь исчезла за ширмой на кухню. Но только для того, чтобы спустя несколько мгновений по-

явиться вновь с подносом в руке, на котором возвышался наш с Себастьяном заказ.

– Мммм. – Хранитель потер руки, предвкушая вкус яств. – Конек должен быть хорошо прожарен, и только тогда получается действительно потрясающий вкус.

Официантка расставляла заказ на столе – четыре огромные тарелки, от которых струился дым со странноватым запахом – немного сладким, с явным присутствием большого количества черного перца и сельдерея с корицей. Попробуйте это воспроизвести и поймете.

Руки Будды, лежащие на тарелке, причудливо переплетались между собой скрученной во много раз толстой косой золотистого цвета с такими же толстыми, похожими на человеческие пальцы, окончаниями.

Аудитория и конек – два правильных прямоугольника, отличающиеся друг от друга лишь цветом и плотностью. И если конек больше напоминал рыбное желе, то аудитория, наоборот, больше походила на стейк средней прожарки кислотно-бордового цвета. Кусочек платформы, оказавшийся обычной плиткой шоколада, принесли отдельно, вместе с чайником пуэра и двумя маленькими чашечками на подносе.

– Надеюсь, тебе не придется объяснять, как есть руки Будды? Начинать надо с пальцев. Впрочем, если ты их заказал, то наверняка это умеешь. – Себастьян засмеялся во весь голос.

– Да, конечно. Сто раз так делал! – Я крутил перед собой тарелку с неведомым мне ранее блюдом и пытался понять, как с этим справиться. А пока я думал, Себастьян указал на странное приспособление, принесенное официанткой, с помощью которого чудная еда быстро поддалась. Необычный вкус нечто похожего на мясо, перетертого с плесневелым сыром, хлебом, большим количеством мяты и легкой тональностью других приправ поразил мои рецепторы.

– Вкусно! Не идеально, конечно, но вкусно!

– Да, замечательная часть бытия. – Себастьян как раз наколол на вилку остатки аудитории. – Хотя бы в еде. Все не так, как у вас, а гораздо вкуснее.

Я кивнул, пережевывая последний кусок рук Будды.

Странные вкусовые ощущения во рту быстро были залиты горячим пуэром. Хотя бы что-то знакомое в этом странном мире. Его вкус ничем не отличался обычного китайского чая, который подают во многих заведениях этого квартала.

Седой безымянный бармен протирал очередной стакан, уставившись взглядом в стойку. Думаю, если бы где-то поблизости пробежал мадагаскарский таракан, он бы его даже не заметил. И если бы его глаза не были открыты, можно было даже подумать, что он опять спит.

«Вот как, – Размышлял я про себя, откинувшись на спинку лавки, закинув ногу на ногу и прикрыв глаза. – Сколько у меня шансов вернуться – пока неизвестно. Но все-таки они есть. Как-то это оказалось слишком просто, где-то здесь

явно есть подвох. Но если правильно распорядиться предоставленным мне временем, то, в принципе, ничего страшного не случилось. Конечно, кроме того, что я попал в страшную аварию, нахожусь в коме и, одновременно с этим, каким-то образом умудряюсь гулять по вечернему Манхэттену и распивать с мертвым патологоанатомом китайский чай. Про кого эта история – неужели про меня?»

И пока я думал об этом, тоже, кажется случайно прикорнул.

– Эй, очнись, недомертвяк! Твой чай уже остыл. – Себастьян кинул в меня монеткой, которая попала точно в цель – мне в лоб. Он рассмеялся.

Неожиданное пробуждение, почти как у Дали в его невероятно странных картинах.

Я открыл глаза – все та же китайская чайная, и сосредоточенность мыслей теряет свои четкие очертания, расплываясь туманом.

– Расслабься. Знаешь, если ты думаешь, что ты один такой избранный, то нет. Мне не хочется тебя расстраивать, но недомертвяки, такие как ты – их очень много тут. – Себастьян ковырялся зубочисткой во рту. – Кто по собственной воле, кто – случайно. Просто ты их не видишь. Знаешь, как самолеты на разной высоте. Могут лететь друг другу в хвост или навстречу, но пассажиры этого не видят. Диспетчер – вот царь и бог в небесном эшелоне.

– Спасибо, что читаешь мои мысли.

– Вообще, поменьше думай о себе и своем месте в этом мире. Для тебя это лишь коридор, в котором ты рано или поздно найдешь свою дверь на выход... Где же Мигофу?

Вдали раздался гудок прогулочного катера и одновременно с ним звон китайских колокольчиков над дверью. Я обернулся и увидел в проеме высокого человека в ковбойской шляпе и длинном плаще. Себастьян расплылся в улыбке.

– Ну, вот и он! Мигофу, старый черт! – Он почти спрыгнул со своей лавки, до этого казавшийся тяжелым и грузным, он прямо подлетел к Мигофу и обнял того. – Где тебя носит?!

– Потерялся немного во времени. – Мигофу похлопал старого друга по плечу.

– Во времени?! Аха-ха-ха. Во времени! – Себастьян обнажил свои зубы в заливиستم смехе. – Смешно!

Не будучи пока что представленным, я наблюдал за встречей со стороны, присматриваясь к новому гостю. И если я думал, что Мигофу – китаец, то в корне ошибался – индеец: пронзительный острый взгляд, орлиный нос, жесткие черные волосы, выбивающиеся из-под шляпы. Последний из Могикан или майя, или чероки, как их там... Вы знаете их. Представьте любого вождя любого индейского племени в любой современной одежде и вон он перед вами – Мигофу – настоящий потомок тех древних племен, которые намеренно или нет предсказали так и не случившийся конец света. Пожалуй, его могли бы звать или Зоркий глаз, или Орлиное перо, ну, в крайнем случае, Быстрый Олень... Его лицо показалось

мне очень знакомым, не хватало какой-то единственной детали, чтобы получилось точное совпадение. Это крутилось у меня в голове, но я все никак не мог вспомнить.

Между тем, он повесил свой плащ и шляпу на вешалку у входа, оставшись в потертых джинсах и черной водолазке, скрывающей его тело почти до самого подбородка, и уселся на скамейку рядом с Себастьяном.

* * *

«Всегда пытаюсь сказать тебе о самом главном, но никогда не получается. Причина очень банальна – тебя нет рядом. Каждый прожитый год удаляет нас друг от друга. И если я еще в первые месяцы расставания что-то знал о тебе через твоих оставшихся здесь друзей – где ты, что ты, как проводишь свое время, то сейчас я уже могу только догадываться. Но эти догадки мне не приносят никакой радости. А каждый день только добавляет боли.

Ведь мне казалось, что, расставшись вот так и оставив тебя в своем Зазеркалье, я смогу сразу убить двух зайцев, сохранив тебя. Отпечатком, отражением, называй как хочешь, но это не получается. И это следует признать.

И все же, я знаю, что пройдет какое-то время, и ты будешь со мной. Я безраздельно верю в правильность Формулы любви, явившуюся мне в ночи. Она мне поможет тебя вернуть. Только не надо торопиться, надо подождать.

Или... чем дольше ждешь, тем больше в мыслях сомнений? – а вдруг не надо, не стоит и не положено? И в груди зияет дыра, такая большая, что голубь может пролететь, не складывая крылья на бреющем полете.

*Я постоянно пытаюсь отвыкнуть от мыслей **о тебе**, все время пытаюсь начать жить **без тебя**, но не получается. И уже не прошу прощения. Потому что бесполезно, бессмысленно. Потому что не у кого.*

Знаю, что потерял бриллиант. Найти второй такой просто невозможно ни за что и никогда. Каждый бриллиант имеет лишь одну – свою оригинальную огранку. Второго такого нет во всем свете. А даже если и есть похожий, то он не нужен только лишь по той причине, что есть тот, первый, который любишь давно и всем сердцем. Второй – он не такой. Он другой, совсем другой, даже если и похож на все сто внешним видом, привычками, запахом. Он будет лишь похожим двойником, клоном, но в этом не будет настоящей любви и настоящего счастья.

А ведь я всегда хотел сделать тебя счастливой, Диана! Пусть даже отрекаясь от своего собственного счастья. И это, несмотря на то, что счастье должно принадлежать обоим. Так говорят книги, об этом снимают фильмы, пишут картины, наконец. Но в жизни, со всем ее неприглядным изможденным гляncем, получается совершенно иначе – время позволяет наслаждаться только одному, второй – лишь участник этого торжества. Грустный и одинокий.

И поэтому мне часто не спится. «Боже, что же случилось? Что же случилось с тобой? – шепчу я каждую ночь, давясь горячими слезами, не в силах заснуть. И молюсь. – Пусть у нее все будет хорошо. У НЕЕ. Мне не надо».

В распахнутые створки балкона дул теплый ветер с залива, раскачивая легкие занавески и переворачивая страницы дневника, выпавшего из рук Дианы. Сквозь сон до нее доносился утренний гул улицы, звонких речных трамваев, крики голодных чаек, срывающихся из поднебесья прямо в воды Гудзона за очередной добычей, показавшейся на поверхности.

Сегодня ночью она долго не могла заснуть, и курила одну сигарету за другой, пока вдаль не замаячил рассвет. И все-таки сон сломил ее силы прямо на том же гостевом диване посреди комнаты. Вчерашние волнения и долгая дорога, тяжелый желтый конверт — слагаемое нелегкой ночи. Даже теперь, когда она спала – все это было очень важно. Наверное, даже слишком важно чтобы забывать об этом.

В дверь постучали. Прежде, чем Диана открыла глаза, прогоняя тяжелые сны, прошло несколько долгих мгновений. Стук повторился.

– Что? – Диана рукой скинула волосы с лица.

– Обслуживание номеров! – раздался молодой голос.

– Не надо, спасибо!

Остатки сна она смахнула холодной водой. Отражение

в зеркале желало отнюдь не доброго утра. И где-то там, в глубине комнаты, ветер продолжал листать дневник. Как же она устала!

* * *

Мигофу сделал глоток горячего пуэра из чашки. Себастьян смотрел на него влюбленным взглядом, подставив ладонь под щеку, – уж не знаю, какие чувства связывают этих парней, но мне ли сейчас рассуждать об этом.

– Итак, – начал Мигофу, обняв своими большими ладонями чашку, – Саймон. Я могу рассказать тебе обо всем, что произошло до того момента, как я открыл эту дверь. Впрочем, не думаю, что это стоит делать – ты и так прекрасно понимаешь, что я не шучу. – Орлиный глаз пристально впился взглядом в мое лицо. Ни тени ухмылки. – Два раза повторять тоже не буду – глухим обедню два раза не служат. Все происходит здесь и сейчас, и твое настоящее – этот призрачный мир, а не тот, иллюзорный реальный. Если ты еще не понял – привыкай, так будет легче.

Он сделал еще один глоток и замолчал на пару минут, будто что-то обдумывая. Я уже было хотел спросить его, но Себастьян, уловив мою попытку раскрыть рот, приложил палец к своим губам.

– За какие такие заслуги ты получил шанс вернуться, – Мигофу нахмурился – потом сам поймешь. Важно, что он

есть. Пятьдесят на пятьдесят. Не очень высокий, но и не маленький – вполне значительный. И тут все зависит от тебя. Постарайся воспользоваться им, иначе обо всем, что происходит после смерти, ты узнаешь на собственной шкуре.

Он был резок, и, может быть, даже зол.

– Обычно, мы не отпускаем таких, как ты. Скажи спасибо Себастьяну – он ввязался в это, обычно такой тихий и спокойный. Что-то он в тебе нашел, или просто верит в твой второй шанс. Мало кто знает, но несколько сотен лет назад он вызвался сопровождать Данте Алигьери. Помнишь такого? И не прогадал. Тому удалось найти выход к свету из нашей иллюзорности. Иначе бы мир не увидел «Божественной комедии».

– Данте? – Я поднял бровь.

– Да, Данте. Тот самый. – Мигофу кивнул.

Я представил себе великого Данте, сидящего так же за столиком кафе в призрачном мире и попивающим чай в компании моего сопровождающего и Мигофу. Себастьян сразу скорчил такую рожу, что я чуть не расхохотался. Острый взгляд потомка вождей меня мгновенно остудил.

– Хочешь ли ты опять стать человеком или раствориться среди звезд окончательно, обратившись частью Вселенной... В общем, решай.

– Извините, но мне казалось, что рассказ о возвращении будет более интересным, насыщенным событиями моей жизни, или, по крайней мере, я узнаю о причинах.

– Тебе нужны причины? Данте тоже задавал этот вопрос... Все задают этот вопрос! Твоя причина – Формула любви. Она нужна всем, но в тебя так неосторожно врезался грузовик.

Я тут же вспомнил Формулу, которая приснилась мне однажды – V внутри U в квадрате, расположенная в квадранте II. Более того, я узнал голос, объяснивший мне значение. Да, точно!

– Объяснение ты тоже помнишь, – Мигофу усмехнулся, словно подтверждая мою догадку. – Она нужна всем.

– Так это были вы? В моем сне.

Совиный коготь молча махнул рукой.

– И что же, – Я продолжил, – если шансы на возвращение равны – то может случиться, что я навсегда останусь здесь. И что тогда? Что будет с Формулой?

– Ну, тогда мы покажем ее кому-нибудь еще.

– Почему не сейчас?

– Знаешь, есть такое понятие как «вера». Бог существует потому, что в него верят люди. Санта Клаус существует потому, что в него верят все дети. Себастьян верит в тебя, Диана тоже верит. А я верю Себастьяну.

– Диана? – Впрочем, почему я удивляюсь словам Мигофу?

– А ты что, забыл? Примчалась по первому звонку. И что, думаешь, просто так? Что она ищет тут девять лет спустя?

– Прошло десять лет.

– Да, десять! Видишь, ты все еще считаешь. Значит, и она верит?! Неожиданно?! Вот это и есть «вера»! Не разочаруй ее. Ты для нее очень важен.

– Не знаю. – Я потупил взгляд, а вырезанная перочинным ножиком на дубовом столе надпись «Злата + Мэттью = Л», оставленная неизвестным посетителем, стала самой интересной вещью на планете.

– Пусть ваша первая история была о любви, а эта будет о счастье, хорошо? И в конце все поженятся. – Мигофу сжал руку в кулак и показал большой палец.

– Мне не нравится ваш сарказм.

– Прости, иначе трудно воспринимать ваш мир. Посмотри, ты даже после смерти настолько вежлив аж тошно становится. Мне казалось, ты должен был рвать и метать, покалечить или убить любого, кто помешает тебе вернуться, а ты сидишь и задаешь вопросы. «Извините», «мне не нравится ваш сарказм». Вы все-таки, странные, люди!

Я понимал насколько он прав сейчас. Мигофу не казался болтуном ни на первый, ни на второй взгляд. Слишком серьезен, слишком сосредоточен.

– Если ты заметил, я даже не спрашиваю, согласен ты или нет – у тебя просто нет выбора. Никакого. – Продолжил он. – Ты либо делаешь это, либо нет. Всего два варианта и последствия каждого свои. Так что лучше, если ты примешь предложение и согласишься на эти условия.

Он надолго замолчал, ожидая моего ответа. Лишь только

делал маленькие глотки чая из чашки.

– Конечно, я согласен. Ведь мне даже не из чего выбирать, черт возьми!

– Bravo! Я рад, что ты так принял это. – Мифогу опрокинул в себя остатки чая из чашки и похлопал меня по плечу.

– Вы умеете убеждать. – Я развел руками в стороны.

– Хорошо. На этом нам пока придется расстаться.

Мифофу стремительно встал из-за стола. Себастьян тоже поднялся, и, сделав мне знак рукой оставаться на месте, проводил индейца до дверей. Там они долго стояли, тихо о чем-то переговариваясь. После Мифофу накинул плащ и шляпу и вышел на улицу. Звон китайских колокольчиков наполнил хрустальными нотами чайную.

Себастьян вернулся за стол.

– Почему он ушел? – Полюбопытствовал я. – Он же не сказал, что мне дальше делать.

– Он и не должен. Самое главное, что сказал ему ты. – Себастьян перемалывал зубами аудиторию, запивая ее пуром. – Он получил ответ на свой вопрос...

– Но я не получил ответа на свои! – Я был возмущен.

– Ты их получишь. Потом. Когда придет время.

– И почему я должен этому верить?

– Не знаю. Как хочешь, – Себастьян пожал плечами и крикнул в сторону кухни. – Счет!

Через мгновение у нашего стола появилась официантка. Откуда-то из-под одежд Хранитель выудил бумажник, и, све-

рившись со счетом, вынул из него несколько крупных купюр.

– Как тебе Руки Будды? Понравились?

Я кивнул.

– Отлично! – Из глубины бумажника он достал дополнительную купюру и вложил в счет. – Хороший стол требует хороших чаевых. – Пояснил он с улыбкой. – Идем.

Он подтолкнул меня в сторону выхода, и мы вновь оказались на улице перед чайной. Я даже не услышал прощального звона колокольчиков над дверью.

Потом мы двигались по темной мостовой в сторону порта. Небоскребы тенями нависали над нами. Я даже удивился, как Себастьян смог найти такое темное место в самом освещенном городе мира. Мы миновали ржавый забор, за которым застыла многолетняя стройка с черными глазницами пустых окон, огромную лужу бензиновых разводов, разлившуюся по всей ширине дороги. Мало того, асфальт здесь был вспучен, разбит, его оторванные куски валялись неподалеку, будто еще пару часов назад поработал экскаватор. У грязных помойных баков копошились вперемешку ободранные кошки.

– И куда мы теперь? – На самом деле было все равно, лишь обратиться подальше отсюда.

Себастьян пожал плечами и лишь молча прибавил шаг.

– В смысле ты не знаешь? – Мне пришлось почти догонять его. – Если ты не скажешь, куда мы идем, я развернусь

и уйду! – Попытался было я блефовать.

– Ну, это вряд ли, – проворчал Себастьян. – Соберись и иди вперед!

На секунду мой хранитель замедлил шаг – прямо перед нами дорогу перебежала жирная крыса. Тусклый свет желтого фонаря осветил ее мокрую лоснящуюся шерсть. На другой стороне дороги она остановилась, и повела своим носом воздух в нашу сторону. Злые маленькие глазки мелькнули в темноте и она, спустя мгновение, исчезла из виду.

– Брррр. – Себастьян поежился. – Ненавижу этих тварей. Идем!

Он снова ускорил шаг, и я поспешил за ним.

Уже через несколько минут мы вновь вышли на залитую светом реклам Уотер Стрит. В конце нее величественно возвышалась арка Бруклинского моста сквозь которую виднелись огни на другом берегу Ист-Ривер. Мы остановились.

– Нам туда, – немного поразмыслив, Себастьян махнул рукой в сторону арки.

– Себастьян, можно нескромный вопрос? – Я прислонился к одной из витрин. – А почему мы идем?

– Не понял, – Кажется, он впервые поднял взгляд на меня с того самого момента как мы вышли из чайной.

Я указал пальцем на спину.

– А, ты про это... – Протянул он и опять пожал плечами. – Не знаю. Идем себе и идем.

– Но ведь так будет значительно быстрее! Тебе не кажет-

ся?

– А ты куда-то торопишься? У нас уйма времени.

– Подожди. – Одернул я его. – Это у тебя уйма времени, а мне бы хотелось вернуться побыстрее.

Себастьян улыбнулся.

– Ну что ж, ты говоришь, как живой. Уже хорошо. Не удержусь и скажу, что это мне нравится. Я смотрю, ты приободрился – молодец! Не все еще потеряно! – Приободрил он меня.

– Ладно, ладно...

– Да нет же, правда, я рад за тебя! Тебе надо победить, победить самого себя и все свои упадочные мысли, изгнать этих демонов. Тогда все будет возможно и твои страхи покажутся ничтожными по сравнению с тем, что ты получишь в результате.

– Себастьян! – Я попытался осадить его пламенную речь. – Себастьян!!! – Мы стояли посреди улицы – два существа из иллюзорной реальности, невидимые для других, но почти ощущаемые толпой, которая скользила сквозь нас.

– Это все так, милый! – Или я схожу с ума, или вместо Себастьяна передо мной стояла Диана. Конечно, передо мной была она в своем черном с большими белыми цветами вечернем платье. Я не мог ошибиться. Раскиданные по плечам волосы, этот запах духов, который не спутать ни с чем – зеленое яблоко DKNY, ее голос. – Правда! Не забывай, зачем ты здесь. Ради...

Единственным порывом, с которым я сейчас боролся, было желание подойти к Диане, обнять ее, коснуться ее губ и зарыться в ее густых волосах, вдыхая в себя ее любимый запах. Сердце забилось быстрее.

– Подожди! – Остановил я то ли самого себя, то ли Диану.

Видение вмиг испарилось, передо мной стоял все тот же Себастьян, удивленно раскрыв рот на полуслове. Я схватил его за локоть и больно сжал так, что он даже поморщился.

– Ни-ког-да! – Более, чем отчетливо произнес я. – Никогда больше не делай так! – Сердце продолжало бешено колотиться в груди. – Это больно! Это очень больно! Какой же ты ангел-хранитель, если не понимаешь таких простых вещей?! – Я сжал зубы до боли.

– Прости! Я хотел пошутить. – Себастьян был серьезно напуган моим поведением, на лбу выступила испарина. – Отпусти, мне тоже больно!

– Но не так, как мне!

Он выдернул свой локоть у меня из руки и отошел на несколько шагов.

– Я просто хотел тебе напомнить, зачем все это.

– Я помню. – Злость уже отхлынула. – Мигофу мне все объяснил.

– Ладно, тогда идем. – И, не оборачиваясь, Себастьян побрел в сторону моста.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Звон в ушах заменил мне все остальные звуки. Сквозь звуковую пробку доносился гул, становившийся все громче. Наш самолет, заложив вираж на правое крыло, снижался, заходя на посадку. Сквозь облака уже показалась посадочная полоса, протянувшаяся вдаль на километр. Справа от нее волнами покачивало море, а слева, прямо от здания аэропорта, начиналась асфальтовая дорога, убегавшая серпантинном в горы и скрывающаяся среди высоких сосен ближе к вершинам. Я прижался к иллюминатору, пытаюсь получше разглядеть приближающуюся землю. До горизонта, куда позволял видеть глаз, в долинах и на склонах гор раскинулись одно- и двухэтажные белоснежные с красными крышами домики. Среди них возвышались колокольни и храмы с крестами на кирпично-красных куполах. Фермерские поля, встречавшиеся среди построек, были словно расчерчены на коричневые, желтые и зеленые правильной формы квадраты. Дело шло к закату, и низкое летнее солнце освещало этот райский уголок земли своими теплыми вечерними лучами, отчего краски на земле, насыщаясь, приобретали еще более яркий оттенок.

Себастьян развалился в соседнем кресле, даже не потрудившись пристегнуться ремнями безопасности. Пожалуй, самый странный выбор для ангела – лететь обычным рейсом,

предпочтя ему крылья за спиной.

Тогда, накануне ночью, мы перешли Бруклинский мост, и спустя всего каких-то пару-тройку часов оказались в аэропорту Кеннеди. Да-да, это сарказм.

Мне так и не стали понятны причины того, почему все это время мы шли пешком. А Себастьян так и не применил никаких своих штучек, чтобы телепортироваться, или хотя бы поймать такси. Да и мне он ничего не говорил. А потом весь путь храпел в своем кресле, натянув черную повязку на глаза. И если бы не какие-то мелочи, все-таки присущие иррациональности, я бы мог заподозрить, что все произошедшее ранее мне просто приснилось или привиделось, а Себастьян и Мигофу – лишь ловкие мошенники, лихо использующие меня в своей игре.

Но все было так, а не иначе. Весь полет я размышлял и пытался расставить все по своим местам. Внести хоть толику рациональности в происходящий вокруг меня сумбур. Но понимал, что единая картина не складывается, нарушается общая канва – мне не хватало какой-то мелочи, чтобы выстроить идеальный логический ряд. И все смешивается вновь, как в пазлах. Как будто одного или нескольких не хватает, чтобы закончить рисунок, прийти к решению. А я ищу эти потерявшиеся цветные кусочки, ищу давно – даже не помню сколько. Их количество со временем только увеличивается. И боюсь, что цельный образ ощущений так и не сложится. Впрочем, пока у меня еще есть время.

– Эй, – я толкнул Себастьяна локтем. – Эй, просыпайся!

Немного поерзав в кресле, Себастьян поднял повязку на лоб и потер глаза. К гулу двигателей в салоне добавился короткий механический звук открывающихся закрылок.

– Что, уже? – Он взглянул в иллюминатор, где медленно приближалась посадочная полоса.

– Да, садимся. Где мы?

– Почти на земле. – Себастьян прикрыл ладонью широкий зевок. – Бррр, – встряхнулся он.

С шумом открылось переднее шасси. Как только Боинг коснулся бетонки, я уперся руками в подголовник переднего кресла и зажмурил глаза. Лайнер еще несколько секунд бежал по посадочной полосе, постепенно снижая скорость. Все это время Себастьян, не шелохнувшись, внимательно наблюдал за мной.

– Привычки у тебя все те же, – констатировал он, когда самолет полностью остановился. – Тебе не страшны никакие перегрузки, помнишь? Ты сам умеешь летать.

– Тогда почему мы не летаем? – Я пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.